

УДК 61+347.463 (575.2) (04)

**ОБОСНОВАННОСТЬ И ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА ПОТЕРПЕВШЕГО НА ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ:
СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ**

А.О. Шаршембиев

Рассматривается процессуальный статус юридического лица в уголовном судопроизводстве двух государств – Кыргызстана и России, взаимосвязанные с ним вопросы о сущности и понятии потерпевшего, категории вреда причиняемого юридическому лицу.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; юридическое лицо; потерпевший; гражданский иск; процессуальный статус.

В науке уголовного процесса институту потерпевшего, а в частности вопросам правового положения лиц, понесших вред от преступления, восстановления их нарушенных преступлением прав и возмещения причиненного ущерба, посвящено внимание ряда ученых¹. Отметим, что изучению в основном подвергались проблемы, касающиеся физических лиц. Категория юридического лица, получила наибольшее развитие в сфере гражданско-правовых отношений, при этом оставаясь на протяжении многих лет за рамками науки уголовного процесса. Согласно советскому уголовно-процессуальному законодательству потерпевшим признавалось лишь физическое лицо. Российский законодатель в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации 2001 года (далее – УПК РФ) предусмотрел новеллу (ее аналога нет в Уголовно-процессуальном кодексе Кыргызской Республики (далее – УПК КР), согласно которой в случае причинения вреда имуществу и деловой репу-

тации юридического лица, оно в установленном законом порядке приобретает статус потерпевшего (ч. 1 ст. 42 УПК РФ). Следовательно, в России юридическое лицо, пострадавшее от преступления, является полноценным, самостоятельным субъектом уголовно-процессуальных правоотношений. Это, безусловно, является стержнем правовой основы охраны прав и законных интересов юридических лиц в уголовном судопроизводстве. Более того, в теории уголовного процесса Российской Федерации констатируется, что сегодня здесь успешно функционирует институт защиты прав и законных интересов юридических лиц². По мнению некоторых ученых, сегодня можно рассуждать только о зарождении данного института в уголовном процессе, в данный же момент сформирован лишь институт охраны имущества и деловой репутации юридических лиц в уголовном процессе³. Действительно, анализ норм УПК РФ показывает, что основанием для вынесения дознателем, следователем, прокурором и судом постановления о признании по-

¹ См. напр.: *Дмитриева А.А.* Участие адвоката – представителя потерпевшего в российском уголовном процессе: автореф. дис... канд. юрид. наук. Челябинск, 2002. С. 13; *Колдин С.В.* Защита прав и законных интересов потерпевшего по Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации: дис... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. С. 89; *Тетерина Т.В.* Проблемы обеспечения имущественных, иных законных интересов потерпевшего в уголовном процессе: дис... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2004. С. 27–29.

² *Лопаткин В.А.* К проблеме участия юридического лица в качестве потерпевшего в уголовном судопроизводстве // Правовые проблемы укрепления российской государственности: Сб. статей / под ред. М.К. Свиридова. Томск, 2006. Ч. 30. С. 56.

³ *Азаров В.А., Абдрахманов М.Х., Сафаралеев М.Р.* Юридические лица в уголовном процессе России: теоретические основы, законодательство и практика: монография. Омск, 2010. С. 231.

терпевшим, гражданским истцом юридического лица, является вред, причиненный преступлением его имуществу и деловой репутации (ст. 42, 44 УПК РФ). Таким образом, для того чтобы юридическое лицо выступало в уголовном судопроизводстве в качестве потерпевшего, необходимо наличие хотя бы одного из следующих оснований: причинение вреда имуществу; причинение вреда деловой репутации юридического лица. Имущество и деловая репутация являются важными элементами существования и функционирования юридических лиц. Исключительно на эти категории ценностей направлена охранительная функция российского закона.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство Кыргызской Республики позволяет юридическому лицу, понесшему материальный ущерб, в защиту своих прав и законных интересов участвовать в процессе лишь в качестве гражданского истца (ст. 52 УПК КР). В уголовном судопроизводстве Кыргызстана нет правовой основы для признания юридического лица потерпевшим и надления его представителя всеми полномочиями по участию в уголовном процессе по аналогии с потерпевшим – физическим лицом. Деятельность же представителя юридического лица пока ограничивается рамками гражданского иска, что, на наш взгляд, не соответствует реалиям общественно-правовых отношений.

Для обоснования целесообразности распространения процессуального статуса потерпевшего и на юридических лиц, а также выяснения соотношения правового положения гражданского истца и потерпевшего рассмотрим некоторые точки зрения российских ученых, имея в виду возможность совершенствования норм УПК КР, регулирующих процессуальный статус лиц, пострадавших от преступления.

Одним из важных моментов, оказывающих существенное влияние на процессуальное положение как потерпевшего, так и гражданского истца, является то, что нормы, регулирующие охрану прав потерпевшего, основываются на принципе публичности, институт же гражданского иска – на принципе диспозитивности. Гражданин признается потерпевшим независимо от его волеизъявления¹. В связи с этим Т.М. Махова пишет: “Решение о признании лица потерпевшим принимается либо по его заявлению, либо по инициативе органов предварительного следствия при нали-

чи любого вида вреда”². Задолго до появления этой оценки еще советские ученые утверждали, что если гражданин по каким-либо причинам не захочет воспользоваться процессуальными правами, возникшими у него после признания потерпевшим, то это, конечно, его право. Но сам факт признания потерпевшим есть составной элемент процессуальной формы, соблюдение которой, безусловно, обязательно для органов расследования и суда независимо от воли и желания потерпевшего³. В этой связи Э.Ф. Куцова указывает: “...наличие фактов, свидетельствующих о причинении лицу преступлением вреда, ставит его в особое положение среди иных субъектов процесса (например, в сравнении со свидетелем), что и должно проявиться в признании этого лица потерпевшим”⁴. Как полагают М.В. Парфенова и Е.И. Конах, “в отличие от потерпевшего, гражданский истец может появиться в уголовном процессе лишь в том случае, если имущественный вред ему не возмещен или возмещен не полностью”⁵. П.Г. Сычев считает, что руководитель юридического лица, обязанный защищать его интересы, совершив преступление в отношении возглавляемой им организации, может отказаться от подачи гражданского иска и тем самым препятствовать расследованию преступления, причинившего вред юридическому лицу и его участникам (учредителям)⁶.

По интересующему нас вопросу Пленум Верховного Суда РФ в п. 2 Постановления № 5 от 25 апреля 1995 года “О некоторых вопросах применения судами законодательства об ответственности за преступления против собственности” (в редакции № 29 от 27 декабря 2002 года) разъяснил, что дела о преступлениях против чужой собственности являются делами публично-обвинения и не требуют для их возбуждения, производства предварительного следствия и су-

² Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П.А. Лупинская. М., 2003. С. 103.

³ Савицкий В.М., Потеружа И.И. Потерпевший в советском уголовном процессе. М., 1963. С. 18.

⁴ Уголовный процесс: учебник / под ред. К.Ф. Гуценко. М., 2000. С. 122.

⁵ Парфенова М.В., Конах Е.И. Процессуальные права потерпевшего и их реализация в досудебных стадиях уголовного судопроизводства: науч.-метод. пособ. М., 2006. С. 98.

⁶ Сычев П.Г. Юридическое лицо как потерпевший в уголовном судопроизводстве: особенности процессуального положения // Закон. 2007. № 8. С. 156.

¹ Уголовный процесс: учебник / под ред. К.Ф. Гуценко. М., 2000. С. 150.

дебного разбирательства согласия собственника или иного владельца имущества, ставшего предметом преступного посягательства.

В другом своем постановлении высший суд отметил, что лицо может быть признано потерпевшим как по его заявлению, так и по инициативе органа, в производстве которого находится уголовное дело¹. Основываясь на вышеизложенном отметим, что лицо может быть признано потерпевшим по уголовным делам публичного обвинения (97 % составов преступлений УК РФ) без его согласия, что на наш взгляд является дополнительной гарантией защиты прав и законных интересов не только физических, но и юридических лиц.

В юридической литературе В.А. Азаровым, М.Х. Абдрахмановым, М.Р. Сафаралеевым высказана точка зрения, в соответствии с которой «у юридического лица, понесшего вред от преступления, наличествуют не только гражданско-правовые интересы, проявляющиеся в стремлении к полному возмещению причиненного преступным посягательством ущерба, но и уголовно-правовые интересы, которые направлены на привлечение виновных к уголовной ответственности и назначение им адекватного содеянному наказания. Если первые можно отстаивать с помощью комплекса правомочий, имеющихся в распоряжении гражданского истца, то для реализации второй группы интересов необходим более широкий круг прав и возможностей влиять на благоприятные течение и исход производства по уголовному делу, каковым по действующему законодательству обладает потерпевший»². На сегодняшний день потерпевший – это центральный участник уголовного процесса, выступающий на стороне обвинения, имеющий для этого все процессуальные возможности, предоставленные ему законом. В этом смысле интересы потерпевшего не могут быть сведены исключительно к возмещению причиненного ему вреда, так как они в значительной степени связаны также с разрешением вопросов о доказанности обвинения, тем более что во многих случаях от решений по

этим вопросам зависят реальность и конкретные размеры возмещения вреда³.

В ст. 23 Конституции КР, как и в ст. 52 Конституции РФ, закреплены аналогичные положения: «Права жертв преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. Государство обеспечивает им доступ к правосудию и компенсации за причиненный ущерб или вред». В научной среде правильно отмечено, что из текста данной статьи следует, что она состоит из двух предложений, имеющих между собой смысловую связь, которая четко отграничивает две плоскости в правовом положении потерпевшего. Первое предложение характеризует правовое положение потерпевшего с точки зрения материального права, указывает нарушенное право потерпевшего. Второе предложение данной статьи обязывает обеспечить процессуально-правовое положение потерпевшего, т. е. в общей форме гарантирует его процессуальный статус в правовом поле посредством организации доступа к правосудию⁴. Данные требования основного закона государства полноценно не реализуются в уголовном процессе Кыргызстана. В то же время в административном судопроизводстве Кыргызстана юридические лица (как и физические) имеют возможность занимать процессуальный статус потерпевшего (ст. 573 Кодекса об административной ответственности КР), что укрепляет нас в правильности вывода о необходимости расширения субъектного состава потерпевших в уголовном процессе Кыргызстана за счет юридических лиц.

В ходе произведенного нами анкетирования практических работников следственных подразделений МВД КР, прокуратуры, адвокатуры и судей на вопрос о необходимости распространения процессуального статуса потерпевшего и на юридических лиц 65 из 90 следователей, 15 из 25 прокуроров, 27 из 42 судей, и 29 из 35 адвокатов ответили, что необходимость в этом существует. Кроме того, респонденты отмечают, что хотя и право юридических лиц приобретать статус потерпевшего нормативно в УПК КР не закреплено, на практике юридические лица таковыми признаются (85 % от общего числа опрошенных).

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 17 от 29 июня 2010 года «О практике применения судами норм регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» // Российская газета. Федеральный выпуск. 2010 года. 7 июня. № 5226.

² Азаров В.А., Абдрахманов М.Х., Сафаралеев М.Р. Указ. соч. С. 242.

³ Парфенова М.В., Конах Е.И. Процессуальные права потерпевшего и их реализация в досудебных стадиях уголовного судопроизводства: науч.-метод. пособ. М., 2006. С. 10.

⁴ Коомбаев А.А. Процессуальный статус потерпевшего по законодательству Кыргызстана // Административное право и процесс. 2010. № 5. С. 45.

Дело в том, что в Кыргызской Республике в случаях причинения преступлением вреда юридическому лицу, потерпевшим по уголовному делу признается не само юридическое лицо, а субъект, представляющий его интересы и действующий по направлению (доверенности или другим удостоверяющим правомочие данного лица документам) последнего. От должностного лица организации принимается заявление для возбуждения уголовного дела (ст. 153 УПК КР). Это же должностное лицо, представляющее интересы юридического лица, признается потерпевшим по уголовному делу, что отмечается в постановлении о признании лица потерпевшим. Его предупреждают об уголовной ответственности (ст. 192 УПК КР). Фактически представитель юридического лица дает показания в качестве лица, потерпевшего от преступления и ставит подпись в графе «потерпевший»¹. Складывающаяся в практике ситуация носит двойственный характер, поскольку потерпевший – юридическое лицо фактически есть, что констатируется органами, ведущими уголовное дело, но нет оснований для процессуального оформления его в таком качестве. Поэтому в Кыргызстане юридическое лицо лишь фактически принимает участие в уголовном процессе в статусе потерпевшего. Отметим, что сложившаяся ситуация представляет неудобства как для властных представителей уголовного судопроизводства, так и самого юридического лица, нарушая его права как самостоятельного участника правоотношений.

В случае совершения преступлений юридическим лицам зачастую причиняется значительный ущерб, и, следовательно, они имеют право на его возмещение. Мы полагаем, что основным критерием для официального признания за юридическим лицом статуса потерпевшего должен быть именно вред (ущерб). Вред является объективной категорией, представляющей те изменения в положении (состоянии) лица, которые произошли в результате совершенного преступления.

Говоря о вреде, указанном в нормах упомянутых статей, необходимо определиться с вопросом: какой вид вреда могут претерпевать юридические лица? Потребность в этом вызвана неоднозначным толкованием, применением и нормативным закреплением кыргызским законодателем в различных кодифицированных ак-

тах понятия вреда, причиняемого юридическим лицам. Так как по законодательству Кыргызстана юридическим лицам предусматривается возмещение имущественного вреда и разработаны механизмы его реализации, потому и не вызывает сомнения, что рассматриваемые лица, так же как и граждане, могут и должны иметь право на защиту их имущественных благ. Однако вопрос о праве юридических лиц на возмещение нематериальных благ требует уточнения.

Так, к примеру, по ст. 573 Кодекса об административной ответственности КР потерпевшим является физическое или юридическое лицо, которому административным правонарушением причинен физический, имущественный или моральный вред.

Такого же содержания дефиниция имеется в ст. 16 ГК КР, где описывается право юридического лица на компенсацию морального вреда, а по ст. 18 этого закона граждан, в отношении которого распространены сведения, порочащие его честь, достоинство или деловую репутацию, а также юридическое лицо, в отношении которого распространены сведения, порочащие его деловую репутацию, вправе наряду с опровержением таких сведений требовать возмещения убытков и морального вреда, причиненных их распространением.

Из вышеприведенных норм вытекает, что имуществу и деловой репутации юридических лиц может быть причинен вред, и в связи с этим им возможно компенсировать моральный вред.

Вопрос о чести, достоинстве, морали и деловой репутации был и является актуальным предметом обсуждений и исследований. Честь, достоинство, мораль (в РФ) законодательно определены как атрибуты, свойственные физическому лицу, так как именно человек, обладающий психическими свойствами, может испытывать физические и нравственные страдания. Данная интерпретация поддерживается большинством юристов. Тем не менее, в литературе по обозначенной проблеме отсутствует единство взглядов. По мнению одних специалистов, юридическим лицам невозможно причинить моральный вред². Вторые занимают противоположную позицию полагая, что моральный вред может быть причинен не только физическому, но

¹ См., например: уголовное дело № 3-11-421. УД 281/11/64. (Уголовное дело возбуждено 16. 02. 2011 г.). Архив Свердловского районного суда г. Бишкек.

² *Боннер А.* Можно ли причинить моральный вред юридическому лицу? // Российская юстиция. 1996. № 6. С. 44–46; *Тренклер А.И.* Защита деловой репутации юридических лиц в арбитражном суде // Правоведение. 2001. № 2. С. 196–197.

и юридическому лицу¹. Отдельные исследователи отмечают, что согласно ГК РФ (ст. 150–152), можно утверждать о равенстве прав физических и юридических лиц на компенсацию морального вреда и защиту деловой репутации².

Любопытно предложение В. Плотникова утверждающего, что моральный вред, причиненный в результате распространения не соответствующих действительности сведений, порочащих деловую репутацию юридического лица, имеет не субъективное (“психическое”), а объективное содержание и заключается в отрицательной оценке третьими лицами качества юридического лица и его продукции³. Мы разделяем данную позицию в той части, что юридические лица вправе предъявлять требования о компенсации убытков, в том числе нематериальных, причиненных умалением деловой репутации, или нематериального вреда, имеющего свое собственное содержание (отличное от содержания морального вреда, причиненного гражданину), которое вытекает из существа нарушенного нематериального права и характера последствий этого нарушения. Однако мы считаем, что категория морального вреда неприменима в отношении юридического лица. Так как юридическое лицо, во-первых, является самостоятельным субъектом правоотношений и ему присущи определенные особенности, отличающие его от физических лиц, во-вторых моральный вред происходит от слова “мораль”, “моральный” и смысл, данный в толковом словаре

русского языка, отсылает нас к нравственности, нравственным нормам поведения, отношениям между людьми. Это приводит попытки распространения понятия морального вреда и на юридических лиц, даже при дифференцированном подходе, к серьезным противоречиям. Термин “моральный вред” не совсем удачен применительно к юридическому лицу, так как сразу же вызывает не правовые, а иные, не совместимые с его сущностью ассоциации.

Таким образом, как нам представляется, в рамках уголовного судопроизводства юридические лица имеют право на защиту неимущественных благ, которые выражаются в категории “деловая репутация”⁴. Анализ законодательства и доктринальных источников приводит нас к выводу, что юридическое лицо может претерпевать как имущественный, так и неимущественный вред, а следовательно, оно в полной мере имеет право на защиту своих нарушенных прав и законных интересов наряду с физическими лицами, что предполагает острую потребность признания за юридическим лицом статуса потерпевшего. Поэтому считаем правильным дополнить ст. 49 УПК КР положением следующего содержания: “Потерпевшим признается физическое лицо, при наличии оснований полагать, что преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и/или деловой репутации.

Предлагаемое нововведение, на наш взгляд, гармонично дополнит правовую основу охраны (защиты) прав юридических лиц, а также расширит процессуальные возможности его участия в уголовном судопроизводстве Кыргызской Республики.

⁴ Подробно об этом см.: Шаршембиев А.О. Уголовно-процессуальная защита деловой репутации юридических лиц: сравнительно-правовое исследование // Подходы к решению проблем законотворчества и правоприменения: сб. науч. тр. адъюнктов и соискателей. Омск, 2011. Выпуск 18. С. 73–75.

¹ Афанасьева И.В., Белова Д.А. Компенсация морального вреда юридическому лицу // Юрист. 2002. № 8. С. 29–33; Анисимов А.Л. Честь, достоинство, деловая репутация: гражданско-правовая защита. М., 1994. С. 18; Малеина М.Н. Нематериальные блага и перспективы их развития // Закон. 1995. № 10. С. 103.

² Гориславский С.Н. Теоретические и методологические основы компенсации морального вреда: автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 14–15.

³ Плотников В. Указ. соч. С. 17–19.